

Глава 1.

Долго, что даже уборщица промыла полы на всех четырех этажах школы, половина учителей разобрались с журналами, проверили работы учеников и ушли домой, почти во всех кабинетах выключился свет, а на улице свет сменился темнотой и оживились фонари, — он ждал ее. Он шастал возле ее кабинета, шел до двери, ведущую на лестницу, и обратно, до пожарного крана и обратно, до окна и обратно, до скамейки, чтобы посидеть, и обратно, до туалета, чтобы вымыть пот с шеи, и обратно. Но он все не решался войти к ней. Он волновался, что, возможно, она отвергнет его, что она не в духе, что у нее «эти» дни, что он слишком навязчивый, что даже злоупотребляет ее добротой, что ее муж может вот-вот приехать и, войдя, застучать их вдвоем. Бывало, что ему хотелось просто уйти, побежать, запереться в комнате и читать стихи в прозе Тургенева под одеялом в той же одежде, в которой приходил со школы. Но вдруг он притих. За окном спрятался свет, незаметно вокруг подползла темнота, и только свет из-под двери взывал к себе. Он оказался возле нее, готовый открыть, протянул руку, и дверь открылась.

Она сидела перед компьютером, клацала по клавиатуре, всматривалась в бумаги, вздыхала, отрывисто стучала ручкой по столу. Кабинет ее был уставлен маленьким черным диванчиком, высоким шкафом, столами офисным и кофейным. Так было каждый раз, как он заходил к ней. Каждый раз он чувствовал себя очарованным ее жизнью в этой маленькой комнате. Так было и сейчас. Он осторожно ступал по ковру, осматривал каждый уголок, с трепетом прикасался к уголкам мебели. Вот, наконец, он почувствовал себя в своей шкуре.

— Я скоро закончу, сказала она.

— Ничего, я не тороплюсь.

Он смотрел на картину, которую нарисовал один из ее учеников, посещавший творческую школу. Картина была весьма недурна, большого размера, наполненная разными красками и яркими образами. Ему не нравилось.

Вдруг, все затихло. Он сразу же обернулся к ней и увидел на ней кокетливый взгляд, обращенный к нему. Он засмутился, пытался найти еще что-нибудь, на что можно отвлечься, но дурел от прилипших к нему глаз. И тогда... Она встала из-за стола; грациозно шагая, оказалась рядом с ним и не могла налюбоваться его волнующимся взглядом. Его лицо было серьезным, руки — за спиной, туловище важно наклонено и глаза с вниманием прищурены, но ему не удавалось обмануть ее. Она притянула его голову к себе, взявшись за щеки, и прижала к груди, почувствовала всю кровь, что прилила к его лицу от возбуждения, снова взглянула в детские глаза и поцеловала. Губы были горячи. Когда это закончилось, он подумал, что сердце уползло куда-то, затем оглянулся, чувствуя, что это сон, что это подстроено, но осознал, что в комнате только они, и он полностью принадлежит ей, а она — ему. Так было всегда.

Она тащила его за собой к столу, сгребла все, что там лежало, в сторону и расселась перед ним с раздвинутыми ногами, подняв юбку к животу, что было видно ее белые трусики сквозь ткань черных колготок. Она была хищницей, она держала всю ситуацию и была готова взять каждый миг в свои руки, не оставляя ему шансов на своевольность. Ее взгляд был вызывающим и отравляющим ядом, уносящим в туманный сон, из которого не выбраться, но

в котором кровавое удовольствие наполняло твои чресла. Он попался в ее сети, и ему было не выбраться.

— Садись на колени.

Голос был острым и грубым. Он был на коленях. Не зная, что делать, он посмотрел на нее. Она сама тоже не поняла, что он не понял, но как только осознала, то сняла совсем колготки и отодвинула трусики. Две розовые блестящие губки смотрели на него. Он снова посмотрел на нее.

— хочешь попробовать?

Он кивнул и вернул взгляд губкам. Они пахли дурманом. Он приближался лицом к ним. С каждым приближением запах становился отчетливее. Короткие выбритые волоски показались из-под кожи. Трусики блестели от соков, сочившихся еще задолго. Возбуждение ослабевало разум, размягчало и плавало, и ничто не осталось: только его и ее блестящие губы. Он прикоснулся. Он вдыхал жгучий запах женского сока, тепла, чувствовал как рот забрызгался выделениями целующих его губ, и когда разум, ошеломленный и выбитый из строя, с треском влетел в реальность, он почувствовал, как стал твердым внизу.

— Наш малыш встал.

Испытывая стыд и тревогу, пытаясь спрятать свои глаза, найти, куда посмотреть, только бы не ей в глаза, он посмотрел вниз и дивился тому, как сильно у него выпирал член. На секунду он даже забыл о ней. Она притянула его к себе, впиалась в губы и оттолкнула к стене, на фоне которой он стал похож на подвешенного пса, на скрючившегося пленного, посланного на расстрел. Она оказалась очень близко к нему, что могла слышать его дыхание, чувствовать теплоту артерии на шее, замечать выпирающие кости на груди и касаться волос в области пупка. Ремень расстегнулся, штаны упали, трусы больше могли скрывать член. Ее белая рука взялась за покрытый зелеными и синими венами ствол, большим и указательным пальцами, соединенными в кольцо, в котором член не умещался, гладила от розового кончика до волосатого лобка, не пропуская ни одной ребристости ствола; и когда бледные ноги его стали тяжелеть, а губы наполнялись алой краской, и воздух в легких вихрился, готовясь взорваться, то она взяла его член в рот. Это съежило все его тело окончательно. Он упал, задыхался, в животе трепетали бабочки, но она продолжала держать член во рту, и когда сперма вытекла ей в рот и далее в желудок от ее глотка, она остановилась, посмотрела на это детское тело и позволила ему отдохнуть, и поцеловала в холодный, покрытый потом лоб. Он был разбит. Тело развалилось на полу, ноги и руки по собачьи вырвались вперед, в глазах таился ужас. Она нежно поцеловала с благодарностью. Когда он очнулся, то взгляд вернулся к жизни, тело вновь наполнилось кровью. Сидя на полу со спущенными штанами, он осмотрел комнату и даже удивился тому, кто эта женщина, а когда вспомнил, то вспомнил и то, почему он сидит на полу, и застыдился.

— Ничего страшного. Так бывает в первый раз, сказала она, сев рядом, и погладила его по лицу. Он жалобным взглядом посмотрел на ее лучистые глаза и пал к ее ногам, целовал их, целовал ее грудь, шею, но она остановила его.

— На сегодня мы закончили. Тебе пора домой.

Ее слова дошли до него через какое-то мгновение, и тогда он резко встал, застегнул ремень и смирно ожидал, когда оденется она. В коридоре он постоянно уходил вперед и, когда замечал, что ее нет рядом, оборачивался назад и ожидал ее; прыгал по лестнице и открыл для нее каждую дверь выхода.

— Не уходи далеко, говорила она, когда он забывался на улице.

Когда они подошли к его дому, он тупо уставился от нее, ожидая слов.

— Хорошего вечера, Алеша.

Она погладила по голове. Он продолжал смотреть ей в след, даже когда она стала так далеко, что стала размытым пятном; но он не мог осознать, что она ушла, что она не вернется этим вечером, и привычно пошел домой, не отрывая взгляда от того места, где она исчезла, словно она вот-вот должна была вернуться. Его ждал дом.

Дома была мать. Отец давно умер от алкоголизма. Мать работала на заводе, подрабатывала в клининговой компании. Она была не слишком строгой, не слишком мягкой; в общем, обычной русской матерью, что могла прописать хорошего нагоняя за плохое поведение. Она находила обязанность быть вовлеченной в учебную жизнь своего сына: помогала с домашними заданиями, покупала книги по математике, находила в интернете увлекательные фильмы об эволюции или астрономии, следила за его питанием, которое должно было, по словам одного журнала, «положительно влиять на мозговую деятельность ребенка», кормила многочисленными витаминами. Она была невысокого роста, полновата, лицо излучало с одной стороны свирепое, с другой — нежное чувство, ее руки были полны и поэтичны, когда она вязала своему сыну шарф или зимние шерстяные носки. Ей не были известны проблемы мальчиков в возрасте Алексея, но могла догадываться, что поведение его перед ней становится фальшивым, скрывающим то настоящее, что так любят скрывать подростки; но ей казалось, что это временное, что «это пройдет», как она говорила себе, поэтому она была готова, что он будет выкидывать те странные поступки, которые совершают подростки: драки с ровесниками, долгие прогулки с друзьями, лень, непослушание; но она пообещала себе, что этот период никак не скажется на его будущем, поэтому она стала опекать его еще больше и стала еще строже. — Где ты был? Спросила она, когда он даже еще не вошел.

— С друзьями на площадке играли.

— Проходи, я приготовила обед.

Сняв обувь, он положил их вместе к остальной линии обуви, надел тапочки, поставил сумку на стул, штаны, сложенные по стрелкам, и белую рубашку повесил в шкафу, надел футболку и шорты, и тапочки снова и прошел на кухню. Пахло борщом и только нарезанными овощами, на столе в деревянной тарелке располагались хлеб и печенье, мать стояла у плиты и наливала в тарелки суп.

— Как прошел день?

— Хорошо. Получил пятерку по истории.

— Молодец, еще что?

— Дима Тихонов сказал, что ему подарили новый айфон.

— Родители у него богатые. А ты не смотри на него, бедность — не порок.

— Я сказал, что зато могу выиграть его в футболе.

— Поэтому ты задержался?

— Да. Мы по очереди стояли на воротах. Я забил четыре раза, а он два.

Мать улыбнулась.

— А еще меня звала учительница по географии.

— Алена Степановна?

— Да.

— Что говорила?

Алексей замялся, он почувствовал, что выдаст себя, и боялся посмотреть ей в глаза.

— Она сказала, что у меня хорошо получается в географии.

— Это потому что я скачала тебе тот фильм, про Землю.

— Да. Но вообще то, она тоже хороший учитель.

Он часто рассказывал матери об Алене и постоянно чувствовал страх, когда начинал разговор о ней, но молчать о ней он тоже не мог: он чувствовал любовь к ней и хотел хоть кому-то рассказать об этом хотя бы в завуалированной форме.нее только с его первым звуком.

Света отлично знала, что это Алексей был вчера тем «учеником» с Аленой, и отлично видела, что совсем не отношения учителя и ученика связывают их. Она видела их любовную связь, видела, как он пресмыкался перед ней, как Алена с вожделением смотрела на него, как они шли за ручки, словно маленькие влюбленные. И как только у нее не остались сомнения в их симпатии друг к другу, она решила начать свою игру.

Звонок.

— Что ж, спасибо за урок. Всего хорошего, сказала Алена.

Ученики стали расходиться. Остался только Алексей.

— Что то случилось, Алексей? заметила она.

— Нас видели вчера, пробормотал он.

— Вы не могли бы громче сказать?

И он сказал громче:

— Нас вчера видели!

Алена замерла.

— Кто?

— Света.

— Из твоего класса?

— Да.

— Ты уверен? Уверен, что именно нас она видела?

— Не знаю, но я слышал, как они разговаривали. Она видела нас вечером и даже проследила за нами до моего дома.

— Я думаю, это недоразумение. тебе стоит успокоиться. Наверное, это был кто-то другой.

— Кто еще? Мы вчера ведь были одни.

— Не знаю, может даже уборщица с внуком шла. Она иногда приводит его сюда.

— Она нас видела и скоро всем расскажет. Они собираются после школы прийти до моего дома и дожидаться меня.

Она улыбнулась, подошла к нему и погладила по голове.

— Все будет хорошо. Тебе пора на следующий урок.

Не чувствуя спокойствия, он вышел. Беспокойно чувствовала себя и Алена.

По дороге домой Алексей боялся увидеть возле дома своих одноклассников. Он готовил ложь, которую скажет им, когда они начнут его спрашивать, но ложь эта была совсем никудышная, и чем ближе к дому он подходил, тем сильнее чувствовал дрожь в груди. Вдруг он заметил возле одного дома толпу подростков. Из далека он заметил своего друга, который также узнал Алексея и звал к себе, махая рукой. Он подошел ближе и обнаружил, что в толпе этой были все те, кто договаривались о встрече за школой.

— Вы чего здесь стоите? Спросил Алексей.

— Ловим того, кто трахается с Аленой Степановной.

— Мы еще не знаем, трахается ли она с ним, сказала Света.

— Да определенно трахается. Училкам нравится трахаться с малолетками, типо они « такие невинные».

Присутствие Светы еще больше взволновало Алексея. Он чувствовал на себе ее презрительный взгляд, но старался не подавать никак виду. Все ждали жертву до самого вечера, но никто из их школы, кто бы подходил под их возраст, не заходил ни в один из подъездов.

— Мда, Света, хорошо ты нас наебала. Просто так целый день потерял. А еще домашку делать же.

Все стали расходиться, кроме самой Светы, что терпеливо слушала грязь в свою сторону и смотрела на Алексея, и Алексея, который слышал грязь в ее сторону и не смотрел на Свету. Они оба понимали, что сейчас им необходимо поговорить, и первой начала Света.

— Ты мне должен.

Алексей удивился.

— За что?

— За то, что я не сдала тебя, извращенец.

— Сдала меня?

— Не притворяйся. Я видела тебя вчера с училкой. Вы прям как голубки шли.

Света сидела на корточках, прижавшись спиной к дереву; во рту ее был тоненький лепесток травы в стиле ковбоев дикого запада.

— Ты хочешь договориться? спросил Алексей.

— А что ты можешь предложить?

— У меня нет денег.

— Зато есть другое.

— Что?

— Не знаю, сам предложи.

— Могу отдать компьютер.

— Я что, похожа на геймера?

— Нет, не похожа. Может тогда, я буду помогать тебе с учебой? С контрольными работами?

— Нахрен, скукотища. С тобой одним нельзя разговаривать. Мне нужна еще она.

— Прошу тебя, давай не будем вовлекать и ее тоже.

— Я сказала будем. Завтра в шесть вечера в кабинете географии. Приходи с ней.

— Она может не согласиться.

— Тогда скажи, что у меня есть это.

Света вытащила телефон и показала фотографии с четким изображением, где Алексей с Аленой идут вместе, держатся за руки и прощаются возле его дома.

Не оставив ему никаких сомнений, она ушла. Алексей не знал, что делать.